

Эдвард Морган
Форстер

Эдвард Морган
Форстер

*Комната с видом
на Арно*

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44
Ф79

Серия «Англия. Классика. XX век»

Edward Morgan Forster
A ROOM WITH A VIEW

Перевод с английского В.А. Миловидова

Оформление обложки В.А. Воронина

Печатается с разрешения The Provost and Scholars of King's College, Cambridge и The Society of Authors

Форстер, Эдвард Морган

Ф79 Комната с видом на Арно : [роман] / Эдвард Морган Форстер; пер. с англ. В.А. Миловидова. — Москва: АСТ, 2015. — 287, [1] с. — (Англия. Классика. XX век).

ISBN 978-5-17-078721-0

Солнечная Италия. Страна романтики, музыки и любви. Однако даже здесь традиционная британская сдержанность мешает молодой англичанке Люси Ханичёрч ответить на безрассудную страсть случайного знакомого. Неспешные прогулки, светские разговоры, любезные улыбки... Мир условностей и притворства, в котором искренние свежие чувства сродни преступлению. Люси приходится делать выбор, вечный как мир: любовь и презрение общества или долгая безрадостная жизнь, единственным утешением которой будет ее безупречная репутация...

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

© The Provost and Scholars of King's College,
Cambridge, 1924, 1979

© Перевод. В.А. Миловидов, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Пансион Бертолини

— Эта синьора совсем не умеет вести дело, — возмущалась мисс Бартлетт, — нисколько не умеет! Пообещала нам две соседние комнаты на южной стороне, обе с видом на реку, а вместо этого дала две северные, окнами во двор, да еще и далеко друг от друга! О Люси!

— К тому же она явная кокни! — подхватила Люси, которая была, кроме всего прочего, раздосадована акцентом этой синьоры. — И вообще, похоже, что из Лондона мы и не уезжали.

Она обвела взглядом англичан, сидящих по обе стороны стола, взглянула на разделяющий этих англичан ряд белых бутылок с водой и красных бутылок с вином, на убранные в тяжелые рамы портреты Ее Величества королевы и последнего поэта-лауреата*, на табличку с ворот англиканской церкви («Преподобный Кутберт Игер, магистр искусств, Оксон»), служившую теперь единственно украшением стены.

— Шарлотта! А ты разве этого не чувствуешь? Что мы совсем как в Лондоне? Мне кажется, что и на улице будет все как дома. Или мне так кажется от усталости?

---

* Поэт-лауреат — лорд Альфред Теннисон (1809—1892). — *Примеч. ред.*

— Это мясо уже побывало в супе, — проговорила мисс Бартлетт, откладывая в сторону вилку.

— А я так хотела видеть Арно! Ведь эта синьора в своем письме обещала нам комнаты с видом на Арно. Она не имела права нас обманывать. Это так бессовестно с ее стороны.

— Что до меня, то мне подошел бы любой уголок, — отозвалась мисс Бартлетт. — Хотя и жаль, что из своего окна ты не увидишь реку.

Люси вдруг испугалась — а не слишком ли она эгоистична?

— О Шарлотта! Ты меня совсем испортишь. Нет, ты тоже должна жить в комнате с видом на реку. Я это говорю совершенно серьезно. Как только освободится хоть одна комната на южной стороне...

— Как только она освободится, ты сразу туда поедешь, — перебила ее мисс Бартлетт, дорожные расходы которой наполовину были оплачены матерью Люси — щедрость, на которую Шарлотта не преминула тактично указать.

— Нет-нет! Это ты обязана переехать! — настаивала между тем Люси.

— Только не я! Твоя мама никогда мне этого не простит, милая.

— Она никогда не простит меня!

Голоса вновь прибывших леди становились все оживленнее и, если уж быть до конца правдивым, все более раздраженными. Они устали от своего путешествия, и только хорошее воспитание не позволило им вступить в настоящую перепалку. Кое-кто из соседей по столу уже обменивался неодобрительными взглядами, а один из них — грубоватого вида мужчина, из тех, что довольно часто можно встретить за границей, — перегнулся через стол и вмешался в разговор дам.

— У меня комната с видом на Арно. У меня! — сказал он.

Мисс Бартлетт вздрогнула от неожиданности. Обычно в пансионатах люди несколько дней присматриваются к ним, перед тем как заговорить, а иногда этого не происходит и до самого отъезда. Даже еще не взглянув на сидящего перед ней человека, она поняла, что он плохо воспитан. Пожилой, крепко сложенный, чисто выбритый, с бледным лицом и большими глазами. Что-то детское было в его взоре, хотя это была не та детскость, что часто является спутницей дряхлости. Размышляя над этим, мисс Бартлетт оглядела одежду незнакомца. Ничего особенного! Этот человек, похоже, старался познакомиться с ними до того, как они осмотрятся в пансионе и сами во всем разберутся. Поэтому Шарлотта изобразила удивление:

— Вот как! О, комната с видом на реку! Должно быть, вид чудесный!

— А это мой сын, — продолжил пожилой. — Его зовут Джордж. У него тоже комната с видом на Арно.

— О! — произнесла мисс Бартлетт, взглядом подавив желание Люси заговорить.

— Я хочу сказать, — продолжил пожилой, — что вы можете занять наши комнаты, а мы переедем в ваши. Поменяемся, так сказать.

Эти слова буквально шокировали тех из собравшихся в комнате путешественников, кто относил себя к «высшему» разряду, и они посочувствовали вновь прибывшим. Мисс Бартлетт, поджав губы, произнесла в ответ:

— Большое вам спасибо, но об этом не может быть и речи.

— Но почему? — недоумевал пожилой, положив обе руки на стол.

— Потому что об этом не может быть и речи, благодарю вас.

— Понимаете, нам не нравится брать... — начала было Люси.

Ее кузина взглядом вновь остановила ее.

— Но почему? — настаивал их собеседник. — Женщины любят комнаты с приятным видом из окна. Мужчины — не очень. — Говоря это, он, как капризный ребенок, хлопал ладонью по столу. Повернувшись к сыну, он попросил:

— Джордж, попробуй убедить их.

— Совершенно очевидно, что они должны занять наши комнаты. Больше мне нечего сказать. — Говоря это, молодой человек даже не смотрел на леди, но в голосе его звучали смущение и скорбь.

Люси тоже была смущена, но она понимала, что все, что происходит, закончится тем, что называется «сценой», и у нее было странное чувство — о чем бы ни говорили эти плохо воспитанные путешественники, спор будет только разрастаться и углубляться, пока не коснется — нет, не комнат с видом на Арно, — а чего-то другого, о существовании чего она даже и не догадывалась. Теперь пожилой уже почти яростно напал на мисс Бартлетт. Почему она не хочет меняться? Какие у нее могут быть возражения? Они же за полчаса освободят эти комнаты!

Мисс Бартлетт, искушенная в искусстве вести беседу, чувствовала свое бессилие в присутствии грубости. Столь дерзкого собеседника ей не поставить на место. Она покраснела от неудовольствия. Оглядываясь по сторонам, она словно спрашивала: неужели здесь все такие? Только две пожилые леди, сидящие за столом чуть поодаль, с шаялями, наброшенными на спинки кресел, взглядами ответили ей: нет, мы не такие, мы дамы благородные и с хорошими манерами.

— Ешь, милая, — повернулась Шарлотта к Люси и вновь принялась за мясо, в качестве которого она ранее уже усомнилась.

Люси пробормотала что-то о странности сидящих напротив людей.

— Ешь, дорогая, — повторила Шарлотта. — Этот пансион никуда не годится. Завтра мы переедем.

Едва она высказала это свое твердое решение, как тут же пожалела об этом. Занавески в дальнем конце комнаты распахнулись и явили взору присутствующих священника, несколько тяжеловесного, но привлекательной наружности. С самым радостным видом, извиняясь за опоздание, священник поспешил занять свое место за столом. Люси, которая еще не до конца овладела искусством вести себя прилично, вскочила с места, воскликнув:

— О! Это же мистер Биб! Как славно и мило! Нет, Шарлотта, мы должны остаться здесь, и совсем не важно, что комнаты плохие. О!

Мисс Бартлетт произнесла более сдержанным тоном:

— Здравствуйте, мистер Биб! Подозреваю, что вы не помните нас. Я мисс Бартлетт, а это — мисс Ханичёрч. Мы были в Танбридж-Уэллз в ту самую холодную Пасху, когда вы оказывали помощь викарию церкви Святого Петра.

Священник, всем видом своим показывавший, что он в отпуске, помнил дам не столь хорошо, как помнили его они. Но он подошел с достаточно любезным видом и устроился в кресле, на которое указала ему Люси.

— Я так рада вас видеть, — проговорила девушка, настолько истомившаяся духовным голодом, что рада была бы разговору и с официантом, если бы кухня позволила ей это.

— Удивительно, — продолжила она, — как тесен мир. А то, что все крутится вокруг Саммер-стрит, делает это еще удивительнее.

— Мисс Ханичёрч живет в приходе Саммер-стрит, — пояснила мисс Бартлетт, — и недавно в разговоре она упомянула, что вы только что приняли решение переехать...

— Да, — вмешалась Люси, — я узнала это на прошлой неделе от мамы. Ей было неизвестно, что мы встречались с вами в Танбридж-Уэллз, но я сразу же ей написала и сказала, что вы...

— Замечательно! — произнес священник. — Я принимаю приход Саммер-стрит в июне и счастлив, что меня назначили в столь очаровательные места.

— О, как я счастлива! Наш дом называется Уинди-Корнер.

Мистер Биб ответил легким поклоном.

— Там живем мы с мамой и еще мой брат, хотя мы не так часто видим его в ц... церковь от нас далековато, я хотела сказать.

— Люси, дорогая! Позволь мистеру Бибу заняться обедом.

— О, я только этим и занимаюсь, благодарю вас!

Священнику было приятнее говорить с Люси, чью игру на фортепиано он помнил, чем с мисс Бартлетт, которая, вероятно, помнила его проповеди. Он спросил, хорошо ли Люси ориентируется во Флоренции, и получил ответ — более многословный, чем это было необходимо, — что девушка здесь до этого никогда не бывала. Нет большего удовольствия, чем быть гидом для вновь прибывших, и священник обрадовался, что эта честь досталась именно ему.

— И не забудьте посмотреть окрестности, — заметил он под конец. — Как только выпадет ясный денек, отправляйтесь во Фьезоле или в Сеттиньяно.

— О нет! — раздался женский голос с дальнего конца стола. — Вы неправы, мистер Биб! В первый же ясный день вашим дамам следует посетить Прато.

— Эта дама выглядит очень умной и сведущей, — прошептала мисс Бартлетт на ухо кузине. — Нам повезло.

И действительно, на них обрушился целый шквал сведений. Сидевшие за столом наперебой кричали, что им необходимо посмотреть, когда посмотреть, как останавливать электрический трамвай, как избавляться от попрошайек, сколько не жалко отдать за веленую бумагу, да как им понравится то или иное место! Пансион Бертолини решил, единодушно и единогласно, что они обязаны все это увидеть и все это попробовать. Куда бы кузины ни обратили свой взор, отовсюду им отзывчиво улыбались и наперебой что-то кричали. И над всеми голосами возвышался голос самой умной дамы, сидевшей во главе стола, которая не унималась:

— Прато! Они обязаны поехать в Прато! Там такое изысканное убожество — слов нет! Я обожаю это местечко. Так приятно сбросить с себя путы респектабельности и хорошего тона!

Молодой человек по имени Джордж взглянул на умную даму, затем задумчиво уставился в свою тарелку. Он и его отец не участвовали в общем оживлении. Люси, которая переживала свой успех, тем не менее пожалела об этом. Ей никогда не доставляло удовольствия, если кто-то оставался в тени, а потому, встав, она обернулась и попрощалась с сидящими напротив беглым нервным поклоном.

Отец не заметил поклона; сын же ответил на него, но не поклоном: приподняв брови, он улыбнулся, но так, словно улыбка его предназначалась не только Люси.

Девушка поспешила за кухней, уже проскользнувшей за занавески — занавески, которые так и норовили хлопнуть вас по лицу и казались более тяжелыми, чем ткань, из которой они были сшиты. По ту сторону стояла сама ненадежная синьора с Энери, сыном, и Викторьер, дочерью. Синьора желала своим гостям доброго вечера, и сцена выходила прелюбопытная — кокни пытались изобразить изящество и воспитанность Южного Лондона. Еще более любопытной оказалась гостиная, чей тяжеловесный комфорт соперничал с гостиными пансионеров в Блумсбери. Неужели это все-таки Италия?

Мисс Бартлетт уже устроилась в туго набитом кресле, своим цветом и очертаниями напоминавшем помидор. Она беседовала с мистером Бибом, и в процессе разговора ее узкая вытянутая головка ритмично раскачивалась взад-вперед, словно хотела пробить находящуюся перед ней невидимую стену.

— Мы так признательны вам, — говорила Шарлотта. — Первый вечер значит так много. Когда вы вошли, мы едва не стали участницами пренеприятнейшей сцены.

Священник выразил свое сожаление.

— Кстати, вам не знаком пожилой человек, сидевший за столом перед нами? — спросила мисс Бартлетт.

— Это Эмерсон, — ответил мистер Биб.

— Он ваш друг?

— Скорее приятель, как это обычно бывает в пансионах.

— Тогда я умолкаю.

Но священник вынудил ее продолжить.

— Я нахожусь здесь в качестве, так сказать, компаньонки и наставницы своей юной кухни, — сказала Шарлотта, — и с моей стороны было бы необдуманно подвергать ее опасности зависеть от обязательств по от-

ношению к совершенно незнакомым людям. Манеры этого человека оставляют желать лучшего. Я же действовала из самых лучших побуждений.

— Ваш поступок совершенно естественен, — сказал священник. Лицо его стало задумчивым, и через пару мгновений он добавил: — Хотя, если бы вы приняли его предложение, большого вреда не было бы.

— Никакого вреда, я совершенно согласна. Но нам не хотелось брать на себя никаких обязательств.

— Эмерсон несколько странный человек, — сказал мистер Биб и замолчал. После минутного колебания он вновь заговорил: — Я не думаю, чтобы он пожелал как-то воспользоваться тем, что вы приняли его предложение. Вряд ли он даже рассчитывал на благодарность с вашей стороны. У него есть одно хорошее качество, хотя я и не уверен, что оно такое уж хорошее, — он всегда говорит то, что думает. Эмерсон живет в комнатах, достоинства которых совершенно не ценит, и считает, что эти достоинства могли бы оценить вы. Он совсем не думал о каких-то с вашей стороны обязательствах; еще меньше он стремился демонстрировать хорошие манеры. Это очень трудно, по крайней мере для меня, понять человека, который всегда говорит правду.

Люси, до сих пор не участвовавшая в разговоре, искренне обрадовалась:

— Я надеялась, что он хороший человек. Я всегда верю в то, что люди хорошие.

— Я полагаю, вы правы. Он очень хороший и очень скучный. Я отличаюсь от него во всех отношениях. Кроме того, надеюсь, что и вы отличаетесь. Правда, Эмерсон принадлежит к тому разряду людей, с которыми скорее не соглашаешься, чем подвергаешь критике. Когда он впервые появился здесь, здешних обитателей возмутило его поведение, что было совершенно естественно. У него нет ни капли такта, а его